

НОЧНОЙ БОЙ

ПРИ ДЕРЕВНѢ КАРАГАЧЬ

4-го января 1878 года.

(Съ планомъ).

3-го января 1878 года, 3-я гвардейская пѣхотная дивизія, занявшая съ боя предмѣстье г. Филиппополя и задержанная переправой черезъ рѣку Марицу (мостъ былъ сожженъ турками), оставалась въ предмѣстьѣ. Около 4-хъ часовъ пополудни начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Дандевиль, предложилъ генералъ-маіору Краснову, взявъ на крупы лошадей драгунской бригады шесть баталіоновъ 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, при двухъ конныхъ орудіяхъ, переправиться въ бродъ черезъ р. Марицу, въ четырехъ верстахъ ниже Филиппополя и, по переправѣ, поворотить вправо, на встрѣчу отступавшимъ отъ города туркамъ.

Къ сумеркамъ 1-я бригада дошла до брода, гдѣ драгуны Краснова вели перестрѣлку съ тремя баталіонами турецкой пѣхоты и тремя орудіями, защищавшими бродъ.

Разсыпавъ цѣпь, 4-й баталіонъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка отогналъ, съ небольшимъ для себя урономъ, турокъ отъ брода, но переправа въ бродъ была отложена, за темнотою, до слѣдующаго дня. 4-й баталіонъ до 3-хъ часовъ утра оставался на позиціи у брода, затѣмъ былъ отведенъ на бивакъ, гдѣ, въ виду усталости людей за время ночнаго дѣла въ сильную стужу у брода, баталіону данъ былъ небольшой отдыхъ, вслѣдствіе чего, 4-го января, ему пришлось переправляться и слѣдовать въ хвостъ отряда.

Утромъ 4-го января, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, 1-й, 2-й и 4-й баталіоны Кексгольмскаго гренадерскаго императора австрійскаго полка, переправились на кавалерійскихъ

лошадяхъ въ бродъ черезъ рѣку Марицу и, имѣя въ головѣ колонны бригаду драгунъ (Екатеринославскій и Астраханскій драгунскіе полки), подъ общей командой генералъ-маіора Краснова, направились черезъ Филиппополь въ городъ Станимаки. Порядокъ слѣдованія баталіоновъ былъ слѣдующій: 2-й и 3-й баталіоны лейбъ-гвардіи Литовскаго полка; 1-й, 2-й и 4-й баталіоны Кексгольмскаго полка и 4-й баталіонъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка.

На седьмой верстѣ отъ Филиппополя, около 4-хъ часовъ пополудни, отрядъ былъ остановленъ, и вскорѣ мы узнали, что черезъ деревни Бѣленицу, Карагачъ и Кукленъ слѣдуютъ турецкія колонны въ городъ Станимаки, и что деревня Карагачъ сильно занята непріятелемъ. Развернувшись вправо (къ югу), драгунская бригада начала наступленіе къ Карагачу, а на близлежащую высоту поставлено было два орудія конной батареи. Подошедшій вскорѣ 2-й баталіонъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка построился влѣво; 3-й баталіонъ того же полка—вправо отъ орудій, а остальнымъ пѣхотнымъ частямъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Арпгофенъ (командиръ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка и временно командовавшій 1-ю бригадою 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи) приказалъ расположиться такъ: 1-му баталіону Кексгольмскаго гренадерскаго полка составить вторую линію по-ротно въ одну линію; баталіонамъ же 2-му и 4-му Кексгольмскаго полка, 4-му—Литовскаго, составить 3-ю линію въ баталіонныхъ колоннахъ.

Лишь только боевой порядокъ 2-го и 3-го баталіоновъ Литовскаго полка былъ готовъ, генералъ-маіоръ Красновъ отдалъ приказаніе наступать на деревню Карагачъ. Во время построенія боеваго порядка нами было замѣчено, что турки снялись съ биваковъ, бывшихъ за деревнею Карагачъ, и стали строиться для боя. Какъ впоследствии оказалось, они приняли именно то расположеніе, которое указано на планѣ. По нашему личному мнѣнію и по впечатлѣніямъ боя, турки считали стратегическимъ ключомъ своей позиціи правый флангъ, на которомъ они поставили большую батарею X (12 орудій) и сильно заняли его пѣхотой; оврагъ въ центрѣ защитили малой батареей Y (3 орудія) и лѣвый флангъ двумя батареями Z (въ 5 и 3 орудія). Карагачъ, какъ опорный пунктъ, занятъ былъ очень сильно пѣхотой. Цѣль обороны турокъ, повидимому, состояла въ томъ, чтобы, занявъ твердо позиціи къ сѣверу отъ горной дороги, способствовать общему отступленію арміи на гор. Станимаки (1).

(1) Турецкая боевая линія, сбитая нами съ 1-й передовой позиціи, отступила

Наступленіе мы начали уступомъ слѣва, по-баталіонно, причемъ 2-му баталіону Литовскаго полка было приказано генералъ-майоромъ Красновымъ взять нѣсколько въ пологорота налѣво и, охвативъ непріятели съ праваго его фланга, бить на деревню Карагачь; 3-му баталіону приказано было наступать фронтально.

Съ началомъ движенія, турки не отвѣчали на огонь нашихъ орудій, такъ что первое время намъ пришлось преодолевать только затрудненія мѣстности: поле было почти сплошь покрыто виноградниками и рисовыми полями, а снѣгъ, покрывавшій ихъ, былъ рыхлъ, такъ что мы проваливались въ него по колѣно.

Здѣсь надо замѣтить, что 4-е января было для нашихъ полковъ шестымъ днемъ безостановочнаго движенія и вторымъ днемъ боя; всѣ были сильно утомлены, но предстоящее дѣло бодрило людей: они энергично шагали по глубокому снѣгу и поспѣвали за офицерами. Тѣмъ не менѣе, разстояніе до цѣли, вслѣдствіе трудности движенія, казалось не уменьшалось, а росло; да и дѣйствительно, какъ видно по плану, до Карагача было болѣе трехъ верстъ. Когда 1-й баталіонъ находился, приблизительно, на серединѣ пути, турки стали изрѣдка пускать по насъ гранаты, а черезъ нѣсколько времени открыли и ружейный огонь.

Было уже часовъ шесть вечера, когда, подвигаясь подъ огнемъ впередъ, мы смѣнили драгунскую цѣпь. Въ это время уже сильно стемнѣло, и только огни отъ турецкихъ выстрѣловъ указывали расположеніе непріятели.

2-й баталіонъ, не отвѣчая на пальбу, охватывалъ лѣвымъ флангомъ край турецкой позиціи и подавался впередъ. Въ это время турки внезапно участили ружейную стрѣльбу, а артилерія ихъ безостановочно загремѣла вдоль всего фронта. Наши солдаты изъ цѣпи порывались было отвѣчать на огонь, но были удержаны офицерами, такъ какъ наша стрѣльба давала бы только туркамъ возможность цѣлиться, а пользы въ темнотѣ не принесла бы никакой.

Наступила полная темнота, и лишь фронтъ непріятели горѣлъ отъ неумолкаемой стрѣльбы. Сообразить, въ какомъ мы находились разстояніи отъ турокъ, было невозможно; только впоследствии мы узнали, что разстояніе, на которомъ мы остановились передъ ними, было черезчуръ мало (около 100—150 шаговъ). 2-й баталіонъ остановился; всѣ ре-

на упомянутую углубленную горную дорогу, которая во многихъ мѣстахъ представляла готовые ложементы. Подъ прикрытіемъ же тѣхъ расположенныхъ частей войскъ, турки, какъ нами было замѣчено, пытались даже во время боя отступать колоннами по направленію на городъ Станимаки.

зервы его втянулись въ цѣпь, и нѣ-за прикрывавшихъ насъ виноградныхъ грядъ и ровиковъ мы открыли по турецкимъ огнямъ частую пальбу. Долго ли продолжалась перестрѣлка 2-го баталіона, сказать трудно, но этотъ періодъ боя былъ весьма серьезень: турецкій огонь былъ до такой степени частъ и силенъ, что ясно освѣщаль ихъ расположеніе, а освѣщеніе отъ залповъ батарей показывало намъ на мгновеніе даже ближайшіе турецкіе резервы. Для всѣхъ стало ясно, что наступаетъ развязка; всѣ горячились и готовились приступить къ дѣлу. Въ это время батареи турокъ какъ будто вздохнули, приостановили стрѣльбу, но вслѣдъ за этой остановкой послышался оглушающій громъ и незнакомый намъ до этого времени особаго рода звонъ — то были залпы картечью. Казалось, вся почва взвилась кругомъ насъ мелкими комьями, и рѣдко кому не почудилось, что онъ раненъ; всѣхъ обрызгало, кого свѣгомъ, кого землей, а многихъ обдало и картечью. Тогда общее возбужденіе достигло крайняго предѣла; данъ сигналъ наступленія, и ротные командиры повели роты въ атаку. Почти тотчасъ же на крайнемъ лѣвомъ флангѣ грянуло «ура» 8-й, 6-й и 7-й ротъ, которыя, подъ начальствомъ капитана Нарбута (временно командовавшаго 2-мъ баталіономъ), заработали на большой батарее X, а 5-я рота бросилась на батарею У. Повсюду завязалась жаркая ожесточенная рѣзня, и обѣ батареи были взяты.

Для турокъ атака 2-го баталіона была неожиданностью; пѣхотное прикрытіе артилеріи даже не вездѣ подоспѣло къ батареямъ, и орудія защищала сперва почти одна прислуга. Справедливость требуетъ сказать, что турецкіе артиллеристы сдѣлали все возможное: въ рукопашную дрались отчаянно, а нѣсколько фланговыхъ орудій, по нашему мнѣнію, успѣли даже увезти⁽¹⁾. Артиллеристы пали всѣ, хотя оставили память и намъ: много нашихъ солдатъ носятъ страшные слѣды отъ артиллерійскихъ сабельныхъ ударовъ.

Едва успѣли роты 2-го баталіона справиться съ батареями, какъ показали пѣхотные резервы. Отовсюду шли на насъ турецкія колонны, но наши солдаты были сильно одушевлены удачей. Надо было видѣть, что происходило. Ротнымъ командирамъ приходилось употреблять нечеловѣческія усилія, чтобы удерживать при себѣ скольконибудь значительныя группы людей; многіе увлекались до того, что въ

(1) Полагаемъ мы такъ потому, что изъ трехъ орудій, взятыхъ 5-й ротой, крайнее было запряжено и повернуто налѣво; въ минуту атаки оно готовилось двинуться, но нѣсколькими выстрѣлами были убиты подъ нимъ лошади, и орудіе остановилось; то же было замѣчено и на большой батарее X.

одиначку, по два, по три бросались въ ряды непріятеля и били направо и на лѣво. Однако офицеры, употребивъ въ дѣло полную энергію, успѣли до извѣстной степени дисциплинировать свои части, встрѣчали турокъ залпами и затѣмъ опрокидывали ихъ штыками.

Наступавшій затѣмъ второй періодъ боя можно представить себѣ такъ: полная темнота, на небѣ ни луны, ни звѣздъ; противъ 2-го баталіона артилерійская пальба умолкла, но идетъ непрерывная трескотня изъ ружей и ряды періодическихъ залповъ; турецкіе крики «алла, алла!», сигналы ихъ наступленіе, наконецъ, то тамъ, то сямъ раздаются громкое «ура». Въ 3-мъ баталіонѣ бой также близится къ развязкѣ: орудія непріятельскія ревутъ уже картечью, а изъ густо занятаго Карагача исходитъ огненная радуга. 3-й баталіонъ стройно и безъ пальбы подвигается въ строю по-ротно къ Карагачу, останавливается для пальбы на самомъ близкомъ разстояніи и затѣмъ бросается дружно всѣми ротами на «ура». Начинается та же работа на батареяхъ Z; батареи взяты и 3-й баталіонъ переноситъ немедленно бой въ деревню ⁽¹⁾. Къ 12-ти часамъ ночи 2-й баталіонъ, по отбитіи трехъ встрѣчныхъ атакъ турокъ, правымъ флангомъ достигаетъ восточной опушки деревни Карагача; турки пытаются прорвать центръ нашъ и наступаютъ въ промежутокъ между 2-мъ и 3-мъ баталіонами, защищаемый одною только ротою; 3-й баталіонъ продолжаетъ борьбу за деревню.

Турки оборонялись въ Карагачѣ съ замѣчательною храбростію и бой съ обѣихъ сторонъ отличался большимъ упорствомъ; въ деревнѣ дрались за каждое окно, за каждый дворъ. Колебаній впрочемъ не было и атака понемногу подавалась впередъ; наконецъ дружнымъ ударомъ 3-го баталіона Литовскаго полка съ фронта и 4-го баталіона Кексгольмскаго полка (посланнаго генералъ-майоромъ Арпгофеномъ въ обхватъ лѣваго фланга турокъ) справа, турки были смяты и разомъ подались назадъ; атака ихъ на центръ нашъ тоже не удалась: тамъ сперва устояла 5-я рота; затѣмъ уже къ ней подошелъ 3-й баталіонъ и роты 4-го баталіона Литовскаго полка. Съ занятіемъ Карагача, турки быстро отступили назадъ, въ гору, откуда продолжали сильный огонь.

(1) 3-мъ баталіономъ временно командовалъ въ дѣлѣ и велъ въ атаку на батареи капитанъ Никитинъ: 9-я рота ведена была командовавшимъ ротою поручикомъ Петеровымъ; 10-я рота—командиромъ оной штабъ-капитаномъ Флейшеромъ 1-мъ, и 12-я рота—командующимъ ротой поручикомъ Пирамидовымъ. Субалтернъ-офицеры, принимавшіе участіе въ самой атакѣ батарей: подпоручики: Васильевъ, Смицкій, Флейшеръ 3-й и Шульскій. 9-я, 10-я и часть 11-й роты овладѣли батареєю въ пять орудій. 12-я же рота и часть 11-й роты—батареєю въ три орудія.

По занятіи Карагача, генераль-маіоръ Арпсгофенъ получилъ приказаніе отъ начальника отряда генераль-маіора Краснова: убрать взятую нами артилерію, подобрать своихъ убитыхъ и раненыхъ и идти въ деревню Паша-Махала. Генераль-маіоръ Арпсгофенъ, не смотря на развившуюся уже у него сильную простудную болѣзнь, все время почнаго боя не оставлялъ своего поста и находился за центромъ наступленія (1) и, получивъ вышесказанное приказаніе, собралъ къ себѣ всѣхъ баталіонныхъ командировъ и сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: 2-й баталіонъ Литовскаго полка назначенъ въ резервъ и для уборки раненыхъ; часть 3-го баталіона Литовскаго полка и 4-й баталіонъ Кексгольмскаго полка также выносили раненыхъ; 4-й же баталіонъ Литовскаго и 1-й и 2-й баталіоны Кексгольмскаго полковъ вызваны были въ первую линію для транспортировки нашихъ раненыхъ, перевозки отбитыхъ орудій и прикрытія движенія всего отряда къ Паша-Махала.

По разстановкѣ аванпостовъ и окончательномъ очищеніи Карагача, намъ впервые послѣ столь продолжительнаго боя пришлось осмотрѣться и встрѣтиться другъ съ другомъ, такъ какъ въ теченіе боя всѣ были поглощены имъ; у каждаго офицера было слишкомъ много серьезнаго дѣла на рукахъ. Утомленные боемъ, не ѣвши съ самаго утра, всѣ офицеры были мокры, грязны: кто заклепывалъ непріятельскія орудія, или дѣйствовалъ при нихъ, былъ весь запачканъ въ пороховой копоти; кто успѣвалъ подать раненому товарищу первую помощь и перевязывалъ его—былъ въ крови. Послѣ невольныхъ, искреннихъ и дружескихъ привѣтствій, едва находя въ себѣ силу сдѣлать расчетъ и распоряженія для уборки раненыхъ, мы валились въ кучу, не разбирая мѣста. Въ перемежку съ нами лежали свободные отъ службы солдаты. Отдохнувъ немного и собравшись съ силами, люди разложили костеръ и отовсюду тащили уже къ намъ всякую добычу. Подобнаго солдатскаго угощенія забыть невозможно. Солдатъ, перенесшій въ десять разъ болѣе насъ, первый думалъ о своихъ командирахъ и доставлялъ имъ то, что ему самому было крайне необходимо. Короче сказать, передъ нами, какъ въ сказкѣ, лежала волшебная скатерть, на которой былъ превосходный коньякъ, ромъ, вино, сыры, икра, рыбы и всевозможныя закуски, наконецъ десертъ изъ орѣховъ, фруктовъ и т. п. (2).

Едва утолень былъ голодъ, всѣ невольно переглянулись, стали считать свои потери и не досчитались: Гедлунда, Волкова, Суликовскаго, Бруна, Новоселова, Ячевовскаго, Полторжицкаго (раненъ двумя пулями), Орлов-

(1) 5-го января, генераль-маіоръ Арпсгофенъ заболѣлъ оспою.

(2) Всѣ эти продукты найдены были нашими солдатами въ турецкомъ вычномъ обозѣ.

скаго (убить на поваль), Сохновскаго (тяжело раненъ), Бурмейстера (тяжело раненъ), Никитина, Шульскаго, Сомова, Норлинга; Кексгольмскаго полка подпоручикъ Кригеръ поднять на штыки и, получивъ 14 ранъ, скончался (*). Въ нашемъ баталіонѣ (2-мъ) осталось четыре офицера.

(*) Подпоручикъ Сергій Алексѣевичъ Орловскій получалъ воспитаніе во 2-й Московской военной гимназіи и 3-мъ Александровскомъ военномъ училищѣ, откуда въ 1876 году былъ произведенъ въ подпоручики съ прикомандированіемъ къ лейбъ-гвардіи Литовскому полку. 4-го января, наступая впереди своей полуроты на стрѣляющую картечью неприятельскую батарею, былъ раненъ въ грудь. Смерть его послѣдовала почти немедленно, но позволила покойному закрыть на вѣки глаза тѣмъ товарищемъ, каковымъ онъ былъ всегда при жизни. С. А. Орловскій пожалъ подбѣжавшему къ нему подпоручику Шульскому руку и спокойно сказалъ: «прощай, поклонись всѣмъ товарищамъ».

Подпоручикъ Максимиліанъ Карловичъ Бурмейстеръ въ 1875 году поступилъ лейбъ-гвардіи въ Литовскій полкъ вольноопредѣляющимся, а въ 1876 году, по выдержаніи экзамена при Константиновскомъ военномъ училищѣ, произведенъ въ прапорщики Будучи слабого здоровья. М. К. Бурмейстеръ съ замѣчательнымъ самоотверженіемъ переносилъ всѣ тяжести походной и боевой жизни въ теченіе кампаніи. Къ сожалѣнію, доблестный герой, который являлъ онъ собою, пренебрегая физическими страданіями, повлекъ за собою его гибель. На Балканахъ М. К. Бурмейстеръ отморожилъ себѣ конечности ногъ, но строя не оставилъ. Въ бою 4-го января онъ былъ раненъ сперва въ одну ногу логко и затѣмъ въ другую. Болѣзнь приняла острый характеръ, и М. К. Бурмейстеръ рѣшился на ампутацію ногъ. Онъ перенесъ съ мужествомъ и это новое страданіе, но, вслѣдствіе слезаннаго ознобленія ногъ, ампутація не принесла спасенія, и онъ скончался.

Прикомандированный къ полку, подпоручикъ Игнатій Игнатьевичъ Яченовскій получилъ воспитаніе въ Константиновскомъ военномъ училищѣ, откуда въ 1877 году былъ произведенъ въ подпоручики съ прикомандированіемъ къ лейбъ-гвардіи Литовскому полку. Отличаясь симпатическою наружностію и юношескимъ добродушіемъ, И. И. Яченовскій въ будущемъ обѣщалъ много по своимъ прекраснымъ способностямъ. Окончивъ съ успѣхомъ курсъ въ военномъ училищѣ, онъ былъ чрезвычайно усерденъ къ службѣ, а своимъ веселымъ характеромъ и общительностію успѣлъ снискать къ полку общее къ себѣ расположеніе. Командуя временно въ бою 4-го января 6-ю ротой, подпоручикъ Яченовскій бросился впереди роты на батарею, но тутъ же былъ сраженъ картечью въ грудь. Рана его съ самаго начала и до послѣднихъ минутъ жизни причиняла ему страшныя страданія. Картечь пробила легкія и остановилась у позвоночнаго хребта. Около мѣсяца молодая натура Яченовскаго боролась со смертію, унесшемъ его въ слишкомъ раннюю могилу.

Изъ остальныхъ раненыхъ рана поручика Эдмунда Ивановича Бруна была особенно тяжела. Поручикъ Э. И. Брунъ — уроженецъ Финляндіи и воспитанникъ Финляндскаго кадетскаго корпуса. Въ 1872 г. изъ вельдесбелей этого корпуса онъ былъ произведенъ въ прапорщики въ лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ. Съ открытіемъ настоящей кампаніи, онъ былъ командированъ, въ числѣ многихъ гвардейскихъ офицеровъ, на Кавказъ, гдѣ принималъ участіе въ экспедиціяхъ и дѣлахъ противъ непріятели. Присоединившись къ полку въ Эски-Баркачѣ, Э. И. Брунъ, въ качествѣ командующаго 7-ю ротой. 28-го ноября подъ Плевной на глазахъ всѣхъ атаковалъ первымъ Сахарную голову и выказалъ, кромѣ неустрашимости, умѣнье хорошо маневрировать и спокойно распоряжаться подъ сильными ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Въ бою 4-го января Э. И. Брунъ

Вскорѣ нашъ отдыхъ былъ нарушенъ самымъ внезапнымъ образомъ. Отступивъ отъ Карагача, непріятель направился назадъ къ Бѣлесницѣ и поднялся въ гору; замѣтивъ оттуда расположеніе нашихъ костровъ, турки, какъ бы по сигналу, открыли ружейную пальбу по деревнѣ и кострамъ. Надъ нами зажужжали пули, но не нанесли впро-

велъ 7-ю роту въ атаку на батарею и былъ раненъ пулею; но эта рана не оставила его, и онъ оставался во фронтѣ, прошелъ рядомъ съ прочими ротами баталіона батарею, вовлекся въ рукопашный бой съ резервами, но здѣсь былъ раненъ вторично въ ногу пулей и на этотъ разъ, къ несчастію, тяжело. До послѣдняго времени этотъ офицеръ находился между жизнью и смертью, перенося тяжкія страданія; только 1-го іюля удалось полку снова увидѣть Э. И. Бруна и проводить въ Россію, хотя раздробленная въ ногѣ его кость все еще представляетъ огромную и незакрывающуюся рану.

Относительно остальныхъ нашихъ раненыхъ товарищей, ограничимся только краткимъ описаніемъ обстоятельствъ, при которыхъ они были ранены.

Полковой адъютантъ штабсъ-капитанъ Полторжницкій въ періодъ разгара боя былъ при генералъ-маіорѣ Арпгофенѣ за серединою боевой линіи. Пальба противъ 2-го и 3-го баталіоновъ шла ожесточенная; между тѣмъ ночная темнота положительно покрывала все, и рѣшительно нельзя было составить понятія о ходѣ боя. Въ такомъ положеніи генералъ-маіоръ Арпгофенъ послалъ штабсъ-капитана Полторжницкаго на правый флангъ узнать о положеніи дѣла. Сопровождаемый коннымъ въстопымъ, рядовымъ Литовскаго полка Гришинымъ, штабсъ-капитанъ Полторжницкій поѣхалъ впередъ и попалъ въ промежутокъ между 2-мъ и 3-мъ баталіонами. Это время, повидимому, совпадало съ тѣмъ періодомъ боя, когда 2-й баталіонъ взялъ батарею и, отбивъ первую атаку, приближался правымъ флангомъ къ Карагачу; въ это время во 2-мъ баталіонѣ было небольшое затишье, 3-й же баталіонъ шелъ въ атаку, а въ Карагачѣ шла усиленная пальба. Штабсъ-капитанъ Полторжницкій предположилъ, что бой уже внесенъ въ д. Карагачъ. Пришпоривъ лошадь, онъ понесся въ деревню, причемъ темнота окружала его и мѣшала ориентироваться. Когда штабсъ-капитанъ Полторжницкій приближался къ деревнѣ, 3-й баталіонъ действительно уже боролся въ ней. Убѣдясь въ этомъ, Полторжницкій смѣло въѣхалъ въ деревню и искалъ глазами какую-либо роту, чтобы освѣдомиться о ходѣ боя. Оглянувшись вправо, онъ замѣтилъ внутри двора солдатъ, но едва онъ въѣхалъ въ ворота, какъ оттуда грянулъ по нему залпъ. Увлеченный мыслию, что находится среди своихъ, штабсъ-капитанъ Полторжницкій энергично крикнулъ: «не стрѣлять!» но получилъ въ отвѣтъ вгрой залпъ и былъ раненъ въ челюсть. Едва успѣвъ повернуть коня, онъ выдержалъ еще залпъ и получилъ другую рану черезъ сѣдло въ ногу.

Штабсъ-капитанъ Александръ Акимовичъ Сахновскій, воспитанникъ 1-го военного Павловскаго училища, въ началѣ кампаніи командированъ былъ на Кавказъ, гдѣ принималъ участіе въ походахъ и дѣлахъ. Присоединившись къ полку въ концѣ октября, онъ принялъ 11-ю роту и съ нею участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ по 4-е января. Въ этомъ дѣлѣ 11-я рота введена была въ бой штабсъ-капитаномъ А. А. Сахновскимъ и нѣсколько разъ въ теченіе боя успѣлъ увидѣть въ своемъ командирѣ примѣръ отважной храбрости и разумной распорядительности. Во время команды ротѣ «впередъ», штабсъ-капитанъ Сахновскій получилъ тяжелую рану пулею, которая до настоящаго времени остается невынутой.

Поручикъ Викторъ Александровичъ Гедлундъ, воспитанникъ Финляндскаго кадетскаго корпуса, и подпоручикъ Александръ Петровичъ Волковъ, воспитанникъ 1-го военного Павловскаго училища, въ бою 4-го января состояли субальтернъ-офице-

чемъ новыхъ потерь. Огонь причинилъ намъ только косвенный вредъ: большинство взятыхъ турецкихъ артиллерійскихъ лошадей было убито и орудія пришлось послѣ тащить на людяхъ. Мы продолжали выносить раненыхъ, между тѣмъ по 4-му баталіону и по всему Карагачу шла съ горъ ожесточенная стрѣльба. Луна вошла, но, тѣмъ не менѣе, ночь не позволяла видѣть, что дѣлается впереди; слышна была только жаркая трескотня, да раздавались турецкіе сигналы «наступленіе». Мы стали устраниваться и готовились къ новому дѣлу. Скоро, впрочемъ, тревога объяснилась; мы окончили уборку раненыхъ и начали движеніе къ Паша-Махала. Наши аванпосты замѣнены драгунами, а мы двигались въ слѣдующемъ порядкѣ: 2-й и 3-й баталіоны лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, затѣмъ Кексгольмскій гренадерскій полкъ и 4-й баталіонъ Литовскаго полка тащили на людяхъ отбитыя неприятельскія орудія. Этотъ 6—7-ми верстный переходъ, опять безъ дороги, усилилъ общее утомленіе; всѣ мечтали гдѣ нибудь отдохнуть, но орудія, отбитыя кровью, тащили энергично, какъ слишкомъ дорогую ношу.

Здѣсь необходимо сказать, что 4-го января 2-я бригада нашей дивизіи переправлялась въ Филиппополь чрезъ сожженный турками мостъ на рѣкѣ Марицѣ, и на ночь съ 4-го на 5-е января оставлена была въ Филиппополѣ. Узнавъ о дѣлѣ подѣ Карагачемъ, находившійся при 2-й бригадѣ начальникъ дивизіи генераль-лейтенантъ Дандевиль приказалъ, не медля, ударить въ Филиппополь тревогу и повелѣть бригаду на подкрѣпленіе намъ. Около 8 часовъ утра мы подходили къ Паша-Махала и здѣсь были встрѣчены генераломъ, привѣтствовавшимъ насъ и

рамы 5-й роты. 5-я рота поднята была для атаки на батарею, и какъ поручикъ Гедлундъ, такъ и подпоручикъ Волковъ были уже впереди, на готовѣ показать собою примѣръ солдатамъ. Къ несчастію, выстрѣлы почти однихъ за другими по разали этихъ храбрыхъ офицеровъ и вывели ихъ изъ строя ранеными.

Поручикъ Николай Васильевичъ Новоселовъ воспитывался въ 1-й Варшавской гражданской гимназій и 3-мъ военномъ Александровскомъ училищѣ; отсюда былъ выпущенъ подпоручикомъ арміи съ прикомандарованіемъ къ лейбъ-гвардіи Литовскому полку. Субальтеръ-офицеръ 7-й роты, въ дѣлѣ 4-го числа, онъ былъ раненъ пулею въ руку въ то время, какъ 7-я рота атаковала батарею Пуля раздробила кость, и рана его, сперва казавшаяся легкою, до настоящаго времени причиняетъ ему страданіе.

Подпоручикъ Владиславъ Іосифовичъ Суликовскій, субальтеръ-офицеръ 8-й роты, воспитывался во 2-мъ военномъ Константиновскомъ училищѣ. Въ дѣлѣ 4-го числа онъ командовалъ цѣною 8-й роты, и когда рота атаковала батарею, подпоручикъ Суликовскій бросился первымъ впередъ. Послѣ отбитія орудій онъ былъ раненъ пулею въ руку. Подпоручикъ Суликовскій награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

поздравившимъ съ побѣдой. Отряхнувшись отъ усталости, солдаты отвѣтили начальнику дивизіи дружнымъ и радостнымъ крикомъ.

Генераль-лейтенантъ Дандевилъ далъ нашей бригадѣ въ Паша-Махала непродолжительный отдыхъ, а самъ со 2-ю бригадою вступилъ въ бой. Въ 10 часовъ утра мы были снова на ногахъ и сперва составляли резервъ 2-й бригады. Бой 5-го числа шель уже подъ непосредственнымъ руководствомъ генераль-лейтенанта Дандевиля, продлился опять до вечера и побѣдно докончилъ собою дѣло, начатое нашей бригадой въ ночь на 4-е число.

Окончивъ здѣсь общее описаніе ночнаго нападенія 1-й бригады 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, я считаю излишнимъ, для болѣе полнаго освѣщенія, коснуться деталей дѣла и его обстановки. Я намѣренъ ниже описать частныя дѣйствія той роты (5-я рота лейбъ-гвардіи Литовскаго полка), которою я имѣлъ честь командовать въ дѣлѣ 4-го января, и тѣ личныя впечатлѣнія, которыя вынесены были мною изъ боя, причѣмъ спѣшу оговориться, что ввѣренная мнѣ рота взята для описанія не потому, чтобы она выдѣлилась изъ числа остальныхъ ротъ полка: всѣ работали безусловно хорошо—но потому, что все пережитое ею пережито и мною и будетъ служить матеріаломъ для разсказа. Здѣсь предварительно надо замѣтить, что нашъ полкъ двигался (4-го января) на Станимаки усталый и въ довольно вяломъ настроеніи, такъ какъ предъидущій походъ былъ очень тяжелъ и нигдѣ не удавалось настичь турокъ и вступить въ серьезное дѣло. Настигаемый нами непріятель постоянно отступалъ, а солдаты въ шутку называли свой полкъ «обходнымъ» и говорили, что турокъ боится «желтой» шапки.

Получивъ приказаніе построиться въ боевой порядокъ, я съ своею ротою расположился на позиціи, и пока выстраивались другія роты, занялся осмотромъ впереди лежащей мѣстности. На склонѣ горы видѣлся Карагачъ, а за нимъ дымились костры, по своему расположенію походившіе на бивачные. Кромѣ этого, болѣе зоркіе нижніе чины говорили, что позади Карагача видны войска, направляющіяся влѣво на Станимаки.

Разсыпавъ въ цѣпь 1-ю полуроту подъ командою поручика Гедлунда, я повелъ роту впередъ, а потомъ въ-полоборота налѣво. Между тѣмъ сумерки быстро наступали, а разстояніе до турокъ казалось значительнымъ, такъ что невольно опять рождался вопросъ: бу-

дѣть ли дѣло? Но при взглядѣ на генерала Краснова, который ѣхалъ около праваго фланга роты, сомнѣнія мои исчезали: мнѣ казалось, что развязка наступитъ несомнѣнно, и что генеральъ торопится захватить турокъ до наступленія ночи.

Наши солдаты живо подбодрились и быстро зашагали впередъ. Я ѣхалъ сначала на маленькой турецкой лошади, но вскорѣ замѣтилъ, что проходимыя нами кукурузныя поля и впереди виднѣющіеся виноградники представляютъ серьезное сопротивление для движенія. Моя лошадь все глубже и глубже проваливалась въ снѣгъ, и вскорѣ я долженъ былъ слѣзнуться. Я шелъ въ легкомъ полушубкѣ и имѣлъ на себѣ изъ оружія только турецкую саблю, но, пройдя съ четверть версты, былъ совершенно мокръ и съ безпокойствомъ началъ оглядываться на своихъ солдатъ, которые несли на себѣ, кромѣ полной мундирной одежды (вадѣтой), ружья и тесака, палатки, шанцевый инструментъ, мѣдный котелокъ (казенный или турецкій) (1), сухарей на два дня, мяса одинъ фунтъ, соли и крупъ на два дня, свое имущество около четырехъ фунтовъ и, наконецъ, семь пачекъ патроновъ (2),

(1) Мѣдный казенный котелокъ былъ истиннымъ другомъ солдата; онъ легокъ, удобенъ и проченъ. Почти всю кампанію наши солдаты варили въ немъ пищу, такъ какъ большіе котлы возились въ обозѣ и съ нимъ остались въ Орханіѣ. Изъ всѣхъ вещей солдаты берегли болѣе всего этотъ мѣдный котелокъ и тесакъ. О тесакѣ существуетъ мнѣніе, что онъ можетъ быть съ удобствомъ замѣненъ топоромъ, но мы полагаемъ, что уваженіе къ нему солдата получило недаромъ, и потому къ такой замѣнѣ лучше отнестись осторожнѣй. Тесакомъ солдатъ рубить дрова, употребляетъ его вмѣсто ножа, расчищаетъ снѣгъ, снимаетъ легко и скоро верхній слой земли для постановки палатки, пробиваетъ въ замерзлой землѣ углубленія для палаточныхъ колышковъ, употребляетъ его вмѣсто молотка, убиваетъ ямъ скотину и особенно ловко и удобно снимаетъ ямъ съ воловъ шкуру.

(2) Въ настоящей кампаніи войска шли безъ обоза, и не поспѣвали за ними даже патронные ящики. Все это принудило обременить солдата лишнею ношею, особенно увеличивъ число патроновъ на рукахъ съ 60 до 105. Это была, по нашему мнѣнію, крайняя и исключительная мѣра. Солдатъ нашъ также понимаетъ дѣло и безропотно тащить все, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы участники въ походѣ высказывали мнѣніе, что это нормально. По нашему мнѣнію, намъ одно должно говорить объ этомъ предметѣ: уменьшить и уменьшить ношу солдата во чтобы то ни стало. Изъ ноши солдата, указываемой авторомъ практическихъ выводовъ изъ нашей послѣдней войны («Военный Сборникъ», 1878 г № 5-й), не надо даже второй пары сапогъ (ихъ мѣнять надо съ помощью летучихъ какихъ нибудь парковъ); для патроновъ же и сухарей (сверхъ опредѣленной нынѣ нормы) надо для горной войны выкопъ или одноколки. Аптечныя одноколки всюду слѣдовало съ подками во всю кампанію и проходили по всѣмъ дорогамъ, мостамъ и бродамъ. Въ нашемъ полку весь походъ въ одноколкѣ сдѣлала одна лошадь, она не была ни больна, ни потерта и пришла обратно въ Россію.

что было какъ разъ во-время, ибо тотчасъ же пришлось отбиваться отъ новой атаки, по отраженіи которой я далъ людямъ передышку и выставилъ прикрытіе къ орудіямъ.

Между тѣмъ слѣва все шла трескотня 8-й, 7-й и 6-й ротъ, продолжавшихъ кричать «ура», а въ Карагачѣ гудѣли орудія...

Въ это время даютъ мнѣ знать слѣва, что баталіонъ нашъ въ опасности, и турки опять насъ обходятъ по верхней горной дорогѣ (¹). Подойдя къ капитану Витте (командиру 8-й роты), который, сдѣлавъ обхватъ, стоялъ ближе всѣхъ (на самомъ лѣвомъ нашемъ флангѣ) къ углубленной дорогѣ, мы убѣдились съ нимъ, что движеніе турокъ было не обходимо, а простымъ движеніемъ по дорогѣ на Станимаки. Узнавъ отъ капитана Витте, что три атаки турокъ были съ успѣхомъ отбиты 8-ю, 7-ю и 6-ю ротами, и что послѣ того наступленіе турокъ прекратилось, я повернулъ свою роту и повелъ ее по направленію на Карагачъ. Капитанъ Витте остался съ своей ротой охранять нашъ флангъ и отбитыя орудія.

Считая Карагачъ ключомъ позиціи и помня слова генерала Краснова, приказавшаго мнѣ, послѣ обхода турецкой позиціи, идти на восточную окраину деревни и связать нашъ баталіонъ съ 3-мъ я пошелъ съ ротой по прямому направленію на указанную (восточную) окраину Карагача. По мѣрѣ движенія къ деревнѣ, рота моя выростала отъ присоединенія къ ней людей 6-й и 7-й ротъ, которые потеряли своихъ ротныхъ командировъ, субалтернъ-офицеровъ и фельдфебелей. Безпрепятственно намъ однако не удалось пройти нашъ путь; люди указали мнѣ какую-то массу, которая походила на засѣвшую колонну. По моему расчету, эта мѣстность должна была быть свободною отъ непріятеля и на ней могли быть уже наши резервы. Я быстро выстроилъ свою роту, но меня охватилъ страхъ выстрѣлить по своимъ. Хотя наиболѣе зоркіе солдаты мои горячо убѣждали меня, что колонна въ башлыкахъ (²), но, не видя того своими глазами, я употреблялъ всѣ усилія, чтобы удержать людей отъ стрѣльбы, и подводилъ роту все ближе и ближе. Наконецъ я самъ увидѣлъ надѣтые на людяхъ башлыки и рѣшилъ дать залпъ. Но едва я скомандовалъ: «пальба ротой, рота», какъ изъ непріятельской колонны раздались голоса по

(¹) Здѣсь уместно будетъ упомянуть объ одной отрицательной чертѣ, выказавшейся въ этомъ бою: люди зачастую кричали: «насъ обходятъ», и вѣрѣно понапрасну. Правда, бой шелъ ночью, опасность выростала невидимо и неожиданно—все это оправдываетъ настроеніе духа людей; однако, надо помнить, что въ ночномъ бою такіа тревога неизбежны, надо быть къ нимъ готовымъ.

(²) Въ теченіе всего боя турки, вслѣдствіе холодной погоды, оставались въ надѣтыхъ башлыкахъ.

русски: «свои, свои, 7-я рота». Меня морозъ ударилъ по кожѣ, но сейчасъ же турецкая колонна дала по насъ нѣсколько выстрѣловъ, а люди мои сидѣли уже на ней безъ команды и били турокъ безпощадно.... Слѣдуемъ (лучше сказать бѣжимъ въ горячкѣ) дальше и натываемся на точно такую же исторію; но на этотъ разъ турки сразу высказались: они закричали: «стойте, стойте это 5-я рота!» Рота дружно приняла команду «пли», а залпъ такъ парализовалъ турокъ, что колонна ихъ съѣла и при нашемъ «ура» защищалась слабо.

Передъ нами былъ Карагачъ, объятый горячимъ боемъ съ 3-мъ баталіономъ нашего полка и баталіономъ Кексгольмскаго полка. Мы подошли безъ выстрѣла и вошли въ восточный уступъ деревни, откуда, вѣроятно, турки не ожидали нападенія. Не освѣщенная восточная опушка деревни меня вовлекла въ обманъ и я подумалъ, что наши гонять турокъ по деревнѣ съ востока на западъ. Я приостановилъ своихъ людей въ виноградникѣ и далъ имъ оправиться. Рота моя залегла; я осматривался, охотники же невидимо проникли въ самую деревню. Прошло немного времени, какъ началась пальба изъ деревни въ нашу сторону и мнѣ донесли, что крайніе дома заняты непріятелемъ.

Надо было полагать, что 3-й баталіонъ и Кексгольмскій полкъ бьютъ еще на Карагачъ съ фронта, почему я рѣшился стрѣлять вдоль улицы во флангъ, а лѣвѣе въ деревню послалъ двѣ команды (1) выбить непріятеля изъ ея окраины. Последнее удалось легко, такъ какъ заднія строенія были слабо заняты, но на огонь нашъ по деревнѣ тотчасъ же стали отвѣчать намъ выстрѣлами слѣва, съ углубленной дороги.

Со мною было человекъ 100 въ группѣ, а вправо и влѣво была какая-то цѣпь изъ людей всякихъ ротъ. Я былъ въ полномъ невѣдѣніи окружающаго, и первое, на что рѣшился, это положилъ людей за валикъ, фронтомъ къ углубленной дорогѣ, оперевъ правый свой флангъ въ крайнее пустое строеніе въ деревнѣ (показано на картѣ). Лишь только успѣли мы принять такое расположеніе, какъ ясно услышали впереди на углубленной дорогѣ шумъ. Луна начала уже всходить, и я замѣтилъ въ углубленной дорогѣ проломъ, мимо котораго тянулись войска. Предполагая, что турки снова начали движеніе на Станимаки, я послалъ назадъ просить, чтобы резервы поспѣшили къ этому пункту, самъ же приказалъ своимъ людямъ стрѣлять по пролому въ дорогѣ. Проломъ былъ прекрасно освѣщенъ вошедшимъ уже мѣсяцемъ, и надо полагать, стрѣльба наша имѣла успѣхъ, такъ какъ турки остановили

(1) Подъ командой старшихъ унтеръ-офицеровъ: Тимоѣя Бельгама и Петра Иванова.

движеніе. Немного погодя на дорогѣ раздалось ихъ воинственное гудѣніе, которое слышится у нихъ передъ атакой, и изъ-за валика дороги показались силуэты людей, стоящихъ въ развернутомъ строѣ. Длина фронта меня обезпokoила, а солдаты увѣряли, что турокъ «сила». Неприятеля дѣйствительно было значительно больше насъ и я начиналъ считать себя въ критическомъ положеніи. Соображая, однако, по побѣднымъ крикамъ 3-го баталіона, что дѣло у нихъ идетъ успѣшно, и что баталіонъ этотъ съ минуты на минуту овладѣетъ деревней, я рѣшился не покидать своей позиціи и не отступать. Пославъ вторично къ резервамъ просить поспѣшить на подмогу, я предупредилъ людей, что въ случаѣ наступленія турокъ, дадимъ опять рядъ залповъ, а значеніе ихъ они сами уже знали. Турки повидимому рѣшились атаковать и съ энергичными криками высыпали изъ-за закрытія (на дорогѣ) въ значительной массѣ. Я рѣшительно не могъ опредѣлить разстоянія до нихъ; кажется оно было шаговъ около 300. О прицѣлѣ, конечно, было нечего думать, но турки были освѣщены и я скомандовалъ «пли!» Залпъ былъ, повидимому, весьма дѣйствительный—турки быстро отступили за насыпь дороги.

Не прошло пяти минутъ, какъ съ горъ ясно закричали намъ по-русски: «Не стрѣляйте больше, свои, свои!» Слухи передъ боемъ, что графъ Шуваловъ наступаетъ справа и долженъ обойти турецкую армію съ горъ, т. е. на встрѣчу намъ, и другія неясныя свѣдѣнія—отуманили мою голову. Я приказалъ не стрѣлять, съ дороги же закричали опять по-русски: «мы русь, русь!» Неупотребительное русское слово вызвало мою приготовительную къ залпу команду, отъ которой турки скрылись, но опять по-русски и по-французски закричали: «Мы сдаемся, не стрѣляйте». Я отвѣчалъ имъ, что если они сдаются, то чтобы положили на мѣстѣ оружіе и спускались къ намъ. «Идемъ, идемъ»—отвѣчали сверху, и безпорядочная толпа стала подходить къ намъ. Однако, едва я сдѣлавъ шагъ въ освѣщенное пространство, чтобы рассмотреть, есть ли при нихъ оружіе, какъ по насъ раздалось пѣсколко выстрѣловъ и однимъ изъ нихъ ранило храбраго моего фельдфебеля Бельгама. Дерзость эта заставила меня дать рядъ залповъ, но турки, не смотря на пальбу, снова съ гамомъ начали наступать... Мы давали залпъ за залпомъ, но рѣдѣвшіе ряды турокъ все наступали... Дѣло, повидимому, принимало плохой оборотъ, какъ вдругъ изъ деревни, нѣсколько вправо, раздался всѣмъ намъ знакомый голосъ капитана Никитина: «5-й ротѣ плохо; братцы. спасемъ товарищей!» Услышавъ заботу товарища, я перекрестился въ душѣ, а турки, замѣтивъ приближающееся къ намъ подкрѣпленіе, повернули назадъ.

Для объясненія появленія капитана Никитина необходимо вернуться назадъ: Карагачь представилъ нашему 3-му баталіону и кексгольмцамъ сильную преграду; турки стрѣляли изъ cadaго строенія, изъ-за заборовъ, изъ-за cadaго дерева. Весь Карагачь былъ сильно занятъ и противъ 2-го баталіона стояли двѣ батареи, стрѣлявшія картечью. 3-й баталіонъ, веденный капитаномъ Никитинымъ, потерялъ на бой много времени, но наконецъ ворвался въ деревню, бросился къ намъ, поддерживаемый слѣва 4-мъ баталіономъ нашего полка, который былъ направлень генераломъ Арсегофеномъ въ мѣсто разрыва между 2-мъ и 3-мъ баталіонами. Не смотря на то, что баталіонъ этотъ находился въ хвостѣ походной колонны, благодаря энергіи командира баталіона полковника Бялаго и всѣхъ офицеровъ, онъ быстро подошелъ и во-время успѣлъ прибыть къ восточной опушкѣ д. Карагачь.

Турки, замѣтивъ подошедшія подкрѣпленія, продолжали отступление. 10-я рота присоединилась къ моей и обѣ вмѣстѣ съ фронта, а 14-я рота слѣва сильнымъ огнемъ провожали непріятеля, который понесъ большія потери.

На этомъ кончилась дѣятельность 5-й роты въ бою 4-го января; мы были отозваны въ резервъ, и какъ видно изъ начала моего разсказа, больше участія въ дѣлѣ уже не принимали.

Ночной бой 4-го января былъ боемъ ротъ, группъ, предводимыхъ уцѣлѣвшими офицерами, фельдфебелями и унтеръ-офицерами, наконецъ боемъ звеньемъ и одиночныхъ людей. При такомъ характерѣ боя не было недостатка въ подвигахъ отдѣльныхъ солдатъ: многіе изъ насъ, офицеровъ, обяаны жизнью нижнимъ чинамъ, беззавѣтно защищавшимъ грудью своихъ начальниковъ; много было молодцовъ, бросавшихся первыми на орудія и непріятельскія колонны, входившихъ въ строенія, наполненныя турками. При выбитіи непріятеля изъ домовъ, солдаты выказывали большую находчивость и сообразительность. Въ большинствѣ случаевъ солдатамъ удавалось сперва ошупать такое строеніе; затѣмъ нѣкоторые, защищаясь углами его, подкрадывались къ окнамъ и кололи въ нихъ штыками, чѣмъ останавливали пальбу турокъ изъ оконъ и привлекали къ себѣ ихъ вниманіе; въ это время, болѣе находчивые, проскользнувъ подъ выстрѣлами, немедленно бросались на темный задворокъ, и тамъ, зная устройство строеній въ Турціи, энергично отыскивали какой либо проходъ или дыру, и неожиданно нападали на турокъ внутри строенія. Были случаи, однако, что солдаты врывались открыто въ двери, а случалось и то, что крѣпко застѣвшихъ турокъ выкуривали дымомъ. По первому способу удалось группѣ сол-

дать разныхъ ротъ выжить изъ строенія турецкаго пашу. Но паша былъ энергиченъ, успѣлъ вырваться, сѣсть на коня и поскакать вдоль улицы. Онъ уже считалъ себя спасеннымъ, когда солдаты снова заковали его въ кольцо; паша лихо фехтовалъ, отражая удары солдатъ, но наконецъ былъ убитъ.

Описаніе всѣхъ случаевъ находчивости и отличія нашихъ солдатъ заняли бы слишкомъ много мѣста, почему я ограничусь еще примѣромъ, который можетъ послужить вмѣстѣ съ тѣмъ и полезнымъ указаніемъ. Ротные фельдшера, бывшіе всю кампанію при своихъ ротахъ, принесли немало пользы (1).

Въ бою 4-го числа, когда перевязочный пунктъ нашъ былъ далеко, почти вся перевязка раненыхъ легла на ротныхъ фельдшеровъ, которые заслужили полную благодарность ротъ. Фельдшеръ 12-й роты Вишневскій выказалъ при этомъ особенную распорядительность и заботу о раненыхъ товарищахъ. Лишь только началось дѣло, онъ выбралъ безопасное мѣсто и устроилъ тамъ перевязочный пунктъ для поданія первой помощи. Къ нему стали сносить раненыхъ, но такъ какъ роты санитаровъ при нашей дивизіи не было (она была съ 1-мъ баталіономъ нашего полка въ софійскомъ отрядѣ), а ротныя носилки почти всѣ пришли въ негодность, то раненыхъ сносили на рукахъ или на ружьяхъ (2). Чтобы помочь горю, Вишневскій пошелъ съ рабочими къ отбитымъ непріятельскимъ батареямъ и взялъ оттуда все пригодное къ дѣлу. Черезъ нѣсколько времени у него были носилки, устроенныя изъ палатокъ на ружьяхъ; раненые были укрыты турецкими одеялами и ихъ же платьемъ, а лошадей изъ подъ батарей онъ употребилъ для перевозки на перевязочный пунктъ легко раненыхъ.

(1) Хорошая сторона прикомандированія фельдшеровъ къ ротамъ состояла въ томъ, что ближайшими контролерами ихъ были ротный командиръ и приговоръ всей роты.

(2) По нашему мнѣнію, вопросъ о выносѣ раненыхъ изъ подъ выстрѣловъ весьма серьезенъ. На носилкахъ несутъ раненаго два неуставшихъ человека, но такъ какъ перевязочный пунктъ всегда далеко, и мѣстность большею частью пересѣченна, то двухъ носильщиковъ недостаточно, а надо четверыхъ. Безъ носилокъ раненаго несутъ разомъ шестеро, иначе же (если несутъ его четверо) раненый невыносимо страдаетъ, да и носильщики быстро устаютъ. Для выноса офицеровъ, мы назначали по восьми носильщиковъ, да и тѣ, по заявленію раненыхъ, выбивались изъ силъ; шесть человекъ несли офира, а два остальные несли каждый по четыре ружья. Интересно обратить вниманіе, сколько отрядъ нашъ долженъ былъ выдѣлать солдатъ для выноса раненыхъ: на 323 человекъ по шести человекъ, всего 1,938 человекъ. Если взять половину, предполагая, что всѣ выносившіе успѣли одинъ разъ вернуться, и то будетъ 969 человекъ; послѣдняя цифра вѣрна, ибо уборка раненыхъ была довольно спѣшная.

Чтобъ покончить съ деталями дѣла, сообщимъ цифровыя данныя о нашихъ потеряхъ.

Въ теченіе боя въ ночь съ 4-го на 5-е января отрядъ нашъ понесъ слѣдующія потери:

	Убит.	Ранен.	Конт. проп.	Безъ вѣсти	Всего убыло.
Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ.					
Офицеровъ	1	10	4	—	15
Нижнихъ чиновъ.	62	153	19	4	238
Кексгольмскій гренадерскій императора австрійскаго полкъ:					
Офицеровъ	1	—	1	—	2
Нижнихъ чиновъ.	12	56	—	—	68
Всего	76	219	24	4	323

Въ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку было въ дѣлѣ: офицеровъ 32, нижнихъ чиновъ 1,050. Процентъ убыли: офицеровъ 47 и нижнихъ чиновъ 22³/₄.

Въ заключеніе укажемъ на результаты боя; наша задача ночнаго нападенія 4-го января состояла въ томъ, чтобы выдти на сообщенія турецкой арміи и задержать ея отступленіе. У Карагача отрядъ застигаетъ непріятеля, частью на бивакѣ, частью на походѣ въ Станимаки, и находитъ его въ несравненно превосходныхъ противъ насъ силахъ. Какъ видно изъ рапорта генерала Гурко («Русскій Инвалидъ» 1878 г., № 52), отрядъ нашъ въ этомъ дѣлѣ вѣрзался въ стотысячную сулеймановскую армію. Чтобы остановить непріятеля, отряду необходима была крѣпкая позиція фронтомъ къ движенію турокъ, но такая позиція въ Станимаки была уже въ рукахъ непріятеля, слѣдовательно оставалось одно средство: произвести немедленное нападеніе, разсчитывая смѣлостью предпріятія ошеломить турокъ и задержать на необходимое время ихъ движеніе. Генералъ Красновъ рѣшился на послѣднее. Шесть баталіоновъ пѣхоты сбили превосходнаго въ силахъ непріятеля съ сильной позиціи и взяли всю застигнутую на ней артилерію (1); отбили нѣсколько

(1) Отбито было всего 23 орудія: 12 орудій на большой батарее X, три орудія на мосту на батарее У и восемь орудій на двухъ батареяхъ Z. Сперва приказано было перевозить орудія казакамъ, и караулы наши передали имъ, по несевію сотника, полковнику Костыреву 23 орудія; затѣмъ, вскорѣ оказалось, что казаки не въ состояніи перевезти всѣхъ орудій, и пришлось взять ихъ пѣхотѣ. При обратномъ приѣмѣ и перевозкѣ вышло недоразумѣніе, и въ Паша-Махалу доставлено было только 19 орудій; четыре же орудія, хотя и безъ затворовъ (въ

атакъ непріятеля, силившася отнять потерянные имъ батареи, и совершенно выбили непріятеля изъ Карагача. Этимъ лихимъ дѣломъ отрядъ вполне достигъ поставленной цѣли, такъ какъ турецкая армія на время остановилась и дала возможность подоспѣть къ утру 5-го января всѣмъ нашимъ войскамъ, и боемъ 5-го января отнять у непріятеля операціонную линію и загнать въ горы всю обезоруженную массу его войскъ.

29-го января нашъ полкъ долженъ былъ выступить изъ Адрианополя. Передъ выступленіемъ назначенъ былъ смотръ шефа полка Его Императорскаго Высочества Николая Николаевича Младшаго. Къ 11 часамъ дня бригада была построена на огромномъ плацу турецкой казармы, а чрезъ обвалившіяся и обгорѣлыя стѣны ея виднѣлась часть Адрианополя, расположенная по другую сторону рѣки Марицы. Ровно въ 11 часовъ, во дворъ казармы въѣхалъ Его Высочество Николай Николаевичъ Младшій и началъ объѣздъ полка, привѣтствуя его и поздравляя съ лихимъ дѣломъ. Едва Его Высочество успѣлъ объѣхать полкъ, какъ на плацъ прибылъ на конѣ Его Высочество Главнокомандующій со свитой. По командѣ шефа, полкъ взялъ на караулъ, и Его Высочество Николай Николаевичъ Старшій поѣхалъ по рядамъ. Привѣтствіе Главнокомандующаго вызвало у каждаго солдата невольную сердечную радость; когда же Его Высочество остановился передъ 2-мъ и 3-мъ баталіонами и передалъ полку привѣтствіе и благодарность за дѣло 4-го января Государя Императора — воздухъ огласился громкимъ «ура»!

Передавъ высочайшую милость, Его Высочество въ простомъ словѣ сказалъ отъ себя спасибо и поздравилъ полкъ съ тремя новыми георгиевскими кавалерами (').

Капитанъ Федоровъ.

затворы были вынуты нами и заброшены тотчасъ же по взятіи батарей), но, къ сожалѣнію, гдѣ-то остались.

(') Капитаны Никитинъ и Нарбутъ и подпоручикъ Сузиковскій были представлены временно-командовавшимъ полкомъ какъ особенно отличившіеся.